

НАУМ ГАЛЬПЕРОВИЧ

На высоких крыльях воспоминаний

Эссе

Сегодня в это почти невозможно поверить, но для многих людей моего поколения белорусские писатели были, как нынче говорят, «звездами первой величины», которые пользовались несомненным уважением и почитанием.

Увидеть и услышать Ивана Шамякина, Петруся Бровку, Янку Брыля, Василя Быкова, Пимена Панченко считалось великим счастьем, а быть знакомыми с ними значило прикоснуться к самым высоким сферам обыденной жизни, будто взлететь на сказочный Олимп. «Сказ пра Лысую гару» передавали друг другу, перепечатывали на машинке и секретари горкомов, и председатели колхозов, и сельские учителя...

Помню, как в мой Полоцк приезжал Алесь Савицкий. О каждом его визите, по-моему, знал весь город. И не только через местную газету. В Полоцке у писателя-земляка было много знакомых, и каждый стремился увидеться с Алесем Ануфриевичем, пожать ему руку, поинтересоваться творческими планами.

Я после завода стекловолокна работал корректором в нашей газете «Сцяг камунізму» и тоже принимал участие в этих встречах. Однажды мы с Иваном Стадольником даже готовили специальный выпуск литстраницы, посвященный приезду писателя-земляка.

Помню, как однажды в редакцию зашел молодой, но внешне очень солидный, в дорогом костюме, человек. Представился поэтом Анатолем Конопелько. Я уже читал первую маленькую книжечку стихов Анатоля Конопелько «Зямная сімфонія», знал, что он мой земляк, живет в Могилеве.

В редакции был обеденный перерыв, в кабинете был я один, и мы разговорились. Узнав, что я пробую свои силы в поэзии, Анатолий Николаевич попросил показать мои литературные опыты, сделал замечания, а потом предложил прогуляться по городу.

Мы шли по центральному проспекту Карла Маркса. Конопелько рассказывал о своем литературном учителе поэте Алексее Пысине, а я посматривал по сторонам: видят ли меня знакомые, как я запросто гуляю с самым настоящим поэтом, автором книги, которая продается в нашем книжном магазине.

Долгие годы потом связывала меня с Анатолем, который вскоре переехал в Витебск, сердечная дружба, и я очень переживал по поводу его безвременного ухода из жизни.

Витебские поэты и писатели — первые мои литературные наставники и коллеги. Помнятся семинары творческой молодежи, которые проводил обком комсомола. Литературной секцией бессменно руководил известный уже к тому времени поэт Давид Симанович. Среди участников семинаров были Леонид Дайнеко, Валентин Лукша, Владимир Папкович, Владимир Гончаров, Леонид Главацкий, более молодые Олег Салтук, Петро Ламан, Мария Боровик, Алесь Жигунов, Владимир Саулич, Алесь Кастень, Сергей Рублевский...

А еще было новополоцкое литобъединение «Крыніцы» — это для меня как для Пушкина Царкосельский лицей — милый родной дом, где что ни человек — личность, талант, что и выявилось потом в отечественной литературе, потому

что не могу найти подобных примеров, чтобы одно нестоличное литобъединение вывело в свет столько ярких талантливых писателей.

Но это были все свои, близкие, а столичные литераторы были недостижимы и таинственны, как звезды в небе. И даже короткое общение с ними надолго оставалось в памяти, как навсегда остались яркими воспоминаниями семинары в Королищевичах, приезд в Полоцк Евдокии Лось, Рыгора Бородулина, Владимира Короткевича...

Не забыть походы в редакции журналов, напутственные слова Миколы Аврамчика, Василя Зуенка, Геннадия Буравкина, Вячеслава Адамчика, Анатоля Вертинского, Янки Сипакова, Петруся Макаля, Анатоля Гречанникова, Кастуся Цвирки...

Судьба между тем подарила мне впоследствии немало интереснейших встреч с большими мастерами пера, личную дружбу с Алесем Письменковым, Владимиром Маруком и другими, слава Богу, ныне здравствующими литераторами, работу в творческом союзе, совместные поездки, беседы перед микрофоном с многими крупными поэтами и писателями. И встречи эти остались в памяти яркими эпизодами, греют душу и вселяют надежду на то, что светлое и прекрасное, мудрое и великое всегда будет востребовано новыми поколениями, что связь времен не прервется и вечно будет жить родное слово на земле, что дана нам судьбой. О некоторых из этих встреч мне и хочется сегодня рассказать читателям.

Солнечные дни с Янкой Брылем в Полоцке

Впервые с творчеством Янки Брыля я познакомился еще в школьные годы. Как сейчас помню тот его рассказ «Лесная школа». Имя автора ассоциировалось тогда у меня с именами классиков, таких, как Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, и никак уж не мог я себе представить, что некогда буду лично знаком со знаменитым писателем, не раз сиживать с ним за дружеским столом...

Но это я немного забежал вперед. А через несколько лет после «Лесной школы» попала в руки книжечка, которая называлась «Жменя сонечных промняў», и я окончательно полюбил ее автора — столько в его миниатюрах было доброты, мудрости, тонкой лирики...

С тех пор я искал в книжных магазинах все, что выходило из-под пера Янки Брыля, благо книги тогда стоили не так дорого, как теперь.

А впервые «вживую» я увидел любимого писателя в Королищевичах на семинаре молодых литераторов. У меня даже снимок с тех пор сохранился. Я стою как раз напротив Ивана Антоновича, а рядом — Алесь Рязанов, Виктор Ярац, Лёня Якубович, который вскоре погибнет в солигорской шахте...

Тогда мне запомнилось, как Иван Антонович хвалил прозу Анатоля Сидоревича, а тот уже ходил классиком между нами — девятнадцати-двадцатилетними желторотыми «пачаткоўцамі».

Значительно позже из Новополоцка я послал в «ЛіМ» небольшую рецензию на книгу Брыля «Муштук і папка», в которой назвал автора писателем европейского масштаба. Каким же было мое удивление, когда в один прекрасный день я получил по почте открытку, на которой красивым убористым почерком было написано:

«Дарагі Навум! Дзякуй за добрыя словы ў мой адрас. Але наўрад ці можна назваць мяне вядомым еўрапейскім пісьменнікам, бо пішу я на малавядомай для еўрапейцаў беларускай мове, а перакладаў з яе на іншыя мовы небагата...»

Старик немного лукавил: его произведения как раз и переводили — на русский, украинский, польский... Но суть была не в том: мне написал сам Брыль!..

Через некоторое время я приехал в Минск на съезд Союза писателей. Только переступил порог Дома литератора, как ко мне подошел Сергей Панизник:

— Ну, нарэшце! А тут цябе Брыль ужо некалькі разоў пытаўся.

Я поднялся в фойе на второй этаж и тут же увидел Ивана Антоновича.

— Навум, добры дзень! Я вам тут кніжачку падпісаў.

И Брыль протянул мне свою книгу «Муштук і папка».

Я, конечно, был тронут вниманием мэтра, но в ту минуту и не предполагал, что судьба вскоре подарит мне незабываемые дни общения с этим чудесным человеком и великим мастером.

Это произошло на моей Полотчине. Как-то руководитель нашего литобъединения Владимир Орлов, который только недавно переехал в Минск, сообщил по телефону, что Брыль откликнулся на приглашение приехать на очередное заседание «Крыніц».

Мы стали готовиться к встрече. Я позвонил в гороно заведующей Светлане Лазаренко, и мы определили школу, куда поведем Ивана Антоновича. Это была пятая школа, в которой, кстати, был создан стараниями членов литобъединения и родителей первый в городе белорусскоязычный класс, школа, где среди учителей были Якуб Лопатко и Сергей Соколов.

Большой интерес к встрече классика проявила и заведующая отделом культуры Людмила Касьянова, которая активно посещала заседания «Крыніц» и даже пробовала писать песни на стихи местных поэтов.

Узнав о предстоящем приезде Брыля, звонили из Полоцка, из детского сада, из администрации историко-культурного заповедника.

Был конец сентября. Осень в том году стояла необычно красивая, по-настоящему золотая. Утренние туманы сменялись теплыми солнечными днями, листья на деревьях только-только покрылись позолотой, легкая паутинка висела в воздухе, и ярко-синее небо подчеркивало эту красоту, которая так радует художников и поэтов.

Перед моими глазами до сих пор стоят эти чудесные дни и молодой, статный, несмотря на свои семьдесят, Иван Антонович Брыль. Кстати и сам Иван Антонович впоследствии вспоминал эту поездку, и даже написал о ней незадолго до своей кончины.

Встретив на вокзале и поселив гостя в новополоцкой гостинице, мы после завтрака повезли его в Полоцк, к Софийскому собору. Там, постояв на высоком берегу Двины и посмотрев с высоты на место, где в широкое неспешное течение стародавнего Рубона (так называли реку древние полочане) впадает верткая быстроводная Полота, поговорили о нашей истории, о первой белорусской государственности, о великом князе Всеславе, который, обернувшись серым волком, из Киева в родной город к заутрене поспевал ...

А потом в церковке Спаса, основанной самой преподобной Евфросинией, любовались уникальными фресками двенадцатого столетия, которые самопроявились сквозь многовековые напластования на стенах храма.

Иван Антонович воспринимал эту нашу импровизированную экскурсию с большим интересом. Как он признавался, ему, родившемуся в местах не менее исторических, недалеко от Мирского замка, было необычайно интересно знакомиться с суровой архитектурой древних полоцких храмов, с местами, о которых он много читал и где бывал раньше во время коротких официальных приездов. Да и эта сентябрьская солнечная тишь располагала к внутреннему спокойствию, вдумчивому неторопливому созерцанию.

Потом была встреча с маленькими полочанами в детском садике, первом и единственном в древнем городе, где углубленно велись занятия на белорусском языке. Иван Антонович оживленно беседовал с малышами, подписывал свои книги и был заметно рад слушать, как детки читают стихи и поют песенки по-белорусски. Он им рассказывал о своем детстве, говорил о великом счастье жить на своей земле, любить и гордиться родным краем.

В кабинете редактора новополоцкой городской газеты «Химик», где проходило заседание литобъединения, как говорится, яблоку было негде упасть. И неудивительно: не так часто провинциальным начинающим литераторам доводилось вот так запросто беседовать с одним из живых классиков белорусской литературы, знакомить мэтра со своими произведениями, слушать его мнение о них, высказывания о проблемах современного литературного процесса.

Брыль был в настроении. Говорил охотно, много шутил. Чувствовалось, что и ему наша встреча нравилась.

Кстати, мне запомнилось, что он при всех похвалил мою строчку из стихотворения «Рамеснік» и неожиданно заявил, что из меня получится хороший прозаик, хоть прозу я тогда совсем не писал. Это напутствие мэтра придало мне потом смелости, когда я показывал свои первые прозаические опыты моему земляку, тонкому знатоку литературы Петру Васюченко.

Потом был дружеский ужин на квартире одного из наших «крыничан», и когда мы предложили гостю не уезжать в Минск ночным поездом, он неожиданно легко и с удовольствием согласился.

И следующий день стал настоящим праздником. Мы снова неторопливо бродили по полоцким улицам, подолгу стояли на берегу Двины и говорили, говорили... Вернее, больше говорил Иван Антонович. Его меткие, а порой и острые монологи слушались на одном дыхании. Кое-что уже стерлось из памяти, но высказывания про судьбу Беларуси, про ее язык, про роль писателя в жизни страны запомнились. Они актуальны и сегодня.

Обедали в гостеприимной квартире Людмилы Касьяновой. Мы с Ириной Жерносек глядели на Ивана Антоновича, что называется, во все глаза. Он был остроумен и весел, он пел польские и белорусские песни, русские романсы, рассказывал анекдоты. Чувствовалось, что ему нравится то, какое впечатление он производит на нас, ведь как бы прост в общении он ни был, определенную дистанцию между нами чувствовал. Но с его стороны не было и тени высокомерия, напыщенности, показной важности, чем часто грешат куда менее титулованные и значительные наши современники.

В особом восхищении была Людмила. Она, дочь советского полковника, только недавно приехала вместе с родителями на родину отца. За короткое время выучила белорусский язык, полюбила нашу поэзию, наши песни. И с удовольствием подпевала, когда мы с Иваном Антоновичем вспоминали очередную народную песню...

Потом не раз я вспоминал эти незабываемые минуты, наши слаженные голоса, оживленный блеск глаз и невыразимое чувство светлой радости и покоя, которое случается в жизни так редко...

После моего переезда в Минск мы встречались с Иваном Антоновичем не раз. Он первым позвонил мне в «Вожык» и поздравил с приходом на работу в журнал своей молодости. А вот когда меня избрали заместителем председателя Союза писателей, Брыль в шутливой форме высказал мне соболезнование, сказав, что он поел этого нелегкого хлеба вдосталь и знает, что это такое.

Незадолго до своего окончательного отъезда в родные места он позвонил мне домой, и вновь мы тепло вспомнили сентябрьские дни в Полоцке.

И сейчас, стоит мне закрыть глаза, я вижу яркое синее небо, золото березок и вековых дубов, Двину, Софийку и веселого, улыбающегося своей мудрой улыбкой дядьку Янку — великого белорусского писателя Ивана Антоновича Брыля.

Иван Шамякин

Конечно, представить даже в зрелые мои годы, что буду сидеть на кухне и «брать по чарке» с самим Иваном Шамякиным, я не мог. Да и, честно говоря, не стремился. И не потому, что мне что-то не нравилось в нем, просто с определенного времени не рвался «влезать в друзья» к знаменитостям. Да и разница была у нас большая — в возрасте и в значимости: как же — Иван Петрович носил на лацкане пиджака Золотую Звезду Героя Социалистического Труда, его книги красовались на полках почти в каждой белорусской семье, его имя было на устах и простого крестьянина, и больших руководителей.

А тут вот он рядом — Иван Петрович, в простом трикотажном трико, свитерке, и я слышу характерный шамякинский говорок:

— Алеся, дай нам з Навумам што прыкусіць. І па чарачцы. Там пляшка адкаркаваная ў шуфлядцы стаіць.

Алеся достала соленый огурец, порезала сало, и за этой простой крестьянской закуской мы продолжали беседу.

К Ивану Петровичу меня приводили заботы писательского союза. Организация переживала явный кризис, политиканство, амбиции захлестывали через край, и нужно было мудрое слово, совет ветерана, отдавшего союзу многие годы жизни. Мне больно было видеть, как бывшие соратники и подхалимы демонстративно игнорировали на заседаниях рады любое предложение Шамякина, за глаза и порой в глаза иронизировали, осуждали за его приверженность к былым идеалам, за поддержку курса Президента. Я видел, что Иван Петрович это переживает с грустью, но в ответ он не позволял себе грубости, плохого слова. Только из посмертных дневников мастера я узнал, какие он оценки давал некоторым людям.

И несмотря на все это, он душой болел за единство творческой организации, сохранение уважения к ней, что было непросто. Честно говоря, у меня часто готовы были опуститься руки: постоянные проблемы на работе, безденежье, когда приходилось подрабатывать в газетах, на телевидении... И то, что Иван Петрович не отказывался помочь, когда требовалось, заступиться за организацию, грело душу.

Он не стеснялся позвонить самому высокому начальству, написать письмо с изложением своей позиции, и мне было больно видеть, что мало кто в то время по достоинству оценивал это.

Иван Петрович заметно ослабел после смерти своей дорогой Марии Филатовны. Временами он звонил мне на работу и просил помочь с машиной, чтобы съездить на кладбище. Машины в союзе уже не было, и я, чтобы выполнить просьбу Ивана Петровича, обзванивал самые разные инстанции, знакомых, и нужно сказать, что никто не отказывался помочь Шамякину.

Но такие просьбы были довольно редкими. Порой же мне самому приходилось идти через Парк Горького домой к Ивану Петровичу. Иногда вместе с нашим сотрудником Евгением Ивановичем Коршуковым, чаще одному. Мы много говорили о делах в союзе, о судьбе белорусского языка. Иван Петрович очень переживал, что уменьшается количество белорусскоязычных передач на телевидении, что некоторые публикации в газетах оскорбляют язык и писателя.

Позже я прочитал в его дневниках и вспомнил одну из наших бесед: «Няўжо аўтар “Славянскага набату” не бачыць сітуацыю з мовай? Не пісьменнікі вінаватыя ў занябданні яе. Не варта правакаваць улады на акцыі, якія канчаткова загубяць нацыянальную культуру».

Мне пришлось вплотную заниматься подготовкой и проведением юбилейных мероприятий, посвященных 80-летию Ивана Петровича. Оно отмечалось на самом высоком уровне, я часто связывался с юбиляром, уточнял многие организационные моменты. Шамякин очень волновался, особенно когда узнал, что его должен принять у себя Глава государства.

На самом торжестве в театре имени Янки Купалы я сидел вместе с Иваном Петровичем в почетной ложе. Не рядом (этого бы я себе не позволил), сзади, во втором ряду, чтобы помочь принять очередной букет, приветственный адрес, сувенир... Об этом меня настойчиво просил сам юбиляр. Ему было трудно без помощника. Иногда он оборачивался и спрашивал:

— Навум, ты тут? Будзь каля мяне.

Так, под руку с Иваном Петровичем мы подошли после торжественного вечера к Дому литератора, где был организован прием, на котором мне довелось быть тамадой. И все время рядом чувствовал руку Ивана Петровича и его негромкий вопрос:

— Ты тут?

После того, как я вернулся на работу в коллектив родного для меня Белорусского радио, мы с Иваном Петровичем больше не встречались. Только гово-

рили по телефону из кабинета Алеся Письменкова перед первой публикацией его «Начных успаминаў». Он пожелал тогда мне успехов и здоровья. Это были последние слова, которые я слышал из уст этого замечательного человека.

Сергей Граховский

Этот высокий, седой, еще довольно мощного телосложения человек с немного раскосыми глазами притягивал внимание многих.

«Это Сергей Граховский, — шептал мне на семинаре в Королищевичах Лёня Якубович, — почти двадцать лет лагерей, пережил многих ровестников».

Я уже до этого был немного знаком с творчеством Граховского, листал его поэтические сборники, а вот фактов биографии поэта не знал. Поэтому личность его вызвала у меня интерес, тем более что в то время, а это был самый конец шестидесятых, об этих трагических страницах белорусской литературной жизни писали довольно скупо.

Да и само место Граховского в тогдашнем повседневном литературном процессе казалось абсолютно благополучным: его часто печатали, он нередко выступал по радио, принимал участие в различных поездках писателей по Беларуси и за ее пределы.

В 1990 году меня приняли в Союз писателей. Это был так называемый предсезонный прием. Вместе со мной тогда членские билеты получили Андрей Федаренко, Алесь Бадак, Людмила Рублевская, Валерий Гришанович, Василь Ширко, Алексей Рагуля, Владимир Наумович...

И конечно же, по традиции, все вновь принятые организовали складчину и в большом секретарском кабинете на третьем этаже устроили праздничный ужин. Обычно чем больше мэтров удавалось пригласить, тем более значительным и важным выглядел сам вечер, тем более счастливым казалось будущее в литературе новобранцев творческого союза.

Среди «аксакалов» заметно выделялась высокая фигура Граховского. Вскоре он подошел ко мне:

— Поздравляю вас со вступлением в союз. А вы знаете, что я один из первых наших литераторов, кто побывал на вашем «Нефтьстрое» и написал о первостроителях Новополоцка?

— Знаю, Сергей Иванович. Даже видел снимки с вами в городском музее.

— Интересно было бы теперь посмотреть, как вырос город, как он сегодня выглядит.

— А вы приезжайте, посмотрите. Мы будем рады встретить.

— Да все как-то не получается. А очень хотелось бы.

Так отложилось тогда в памяти это желание Сергея Ивановича, которое через некоторое время осуществилось.

Но сначала было лето, Дом творчества писателей «Ислочь». Я впервые, как полноценный член организации, получил семейную путевку в это чудесное место под Раковым.

Тогда это был писательский рай, хотя, по уверениям старожилов, уже далеко не тот, как во времена семидесятых—восьмидесятых. По аккуратным дорожкам среди стройных сосен и пушистых елей важно прогуливались классики, писательские детки носились по лужайкам, подростки играли в мяч на спортивных площадках и в большой теннис на кортах, писатели помоложе жгли костры, над которыми сладко вился душистый аромат шашлыков...

Утром я разбудил сына, и мы вышли на зарядку. Дышалось здорово, от близкой реки тянуло прохладой, птицы возносили свой утренний гимн предстоящему дню. Большинство отдыхающих еще спали, и на лесных дорожках было пока пусто. Только вдали маячила сутуловатая фигура Граховского. Он приседал, махал руками и, несмотря на почтенный возраст, производил впечатление заправского спортсмена.

Мы поздоровались и побежали в лес. Возвращаясь, мы увидели, что Сергей Иванович уже идет от реки с полотенцем через плечо — свежий, подтянутый.

— Это ваш сын, Наум? — спросил он, поздоровавшись, и, как взрослому, пожал Максиму руку.

Мы пошли к корпусу вместе, и он очень естественно и непринужденно, как будто со старыми знакомыми, заговорил с нами, рассказывая о том, что он проводит на Ислочи все лето, расспрашивал обо всем, что его интересует. Его белорусская речь, интонации напоминали урок родной словесности, голос, глубокий, поставленный, звучал будто из репродуктора. Это потом он не раз будет вспоминать свое радийное, еще долагерное прошлое, репортажи в прямом эфире, коллег-журналистов.

С этого момента все восемнадцать дней, которые я был в Доме творчества, мы каждое утро прогуливались с Граховским, который оказался очень доброжелательным, интересным собеседником.

О чем только мы не говорили: о литературе, о последних политических событиях в стране и за рубежом, о нашей истории, о журналистике... Сергей Иванович часто вспоминал свои молодые годы, работу на радио, товарищей по перу...

Про свои «лагерные университеты» Граховский вспоминал тогда редко, стараясь вообще уходить от этой темы, а я деликатно не докучал ему подобными вопросами.

На прощание Сергей Иванович просил писать, передавал привет новополоцким литераторам.

Скажу честно, слова насчет «писать» я вначале не принял всерьез. Я вообще, к своему стыду, очень неаккуратен в переписке, а тут еще работа собкором радио, ежедневные командировки, суэта... Не то что забываться стали наши совместные прогулки, просто они ушли в другой, не оперативный пласт памяти. И так получилось, что на поздравительную открытку Сергея Ивановича я вовремя ответить не успел.

И «получил» за это как следует, когда встретился с ним во время очередного приезда в Минск.

— Это тот Наум, который не отвечает на открытки? — сурово вместо приветствия спросил Граховский.

Я оправдывался как мог, хотя вины своей не отрицал. Кстати, как потом пришлось убедиться, Сергей Иванович был очень обидчив, и я впоследствии всегда старался быть с ним предельно обязательным.

В тот мой приезд мы опять вернулись к разговору о желании Граховского приехать в Новополоцк, и через некоторое время этот замысел осуществился.

Заведующей отделом культуры в Новополоцке в то время работала Людмила Касьянова — активная участница нашего литобъединения «Крыніцы». С ней мы договорились о проведении встречи Граховского с читателями в одной из библиотек города. Оставалось только организовать приезд.

Учитывая возраст Сергея Ивановича, мы решили заехать за ним в Минск на машине. Так и сделали.

Новополоцк произвел на гостя впечатление. Мы возили его по широкой современной «улице без конца», как называют в городе центральный проспект имени первостроителя Петра Блохина, показали ему промзону с бесконечными трубами и технологическими установками нефтехимических гигантов. Он помнил Новополоцк рабочим поселком с одноэтажными общежитиями, деревянными настилами на тротуарах, размах стройки с башенными кранами, МАЗами, груженными бетонными плитами... А тут — европейский город, могучие предприятия...

Под стать оказалась и библиотека имени Якуба Коласа с просторными залами, прекрасным интерьером, украшенным резьбой местных художников...

Народу собралось много. В большинстве — молодежь. Видя заинтересованные доброжелательные лица, Сергей Иванович заметно приободрился.

Свой разговор он начал довольно пафосно, но затем все проще и проще была его речь, особенно когда он начал отвечать на вопросы, которых в тот вечер было немало.

Вопросы свидетельствовали о том, что Граховского читали, и это его, безусловно, вдохновляло на откровенный разговор про судьбу родного языка, про суровые тридцатые годы, про друзей-товарищей, которые делили с ним годы мучений в сталинских лагерях.

После окончания встречи возле стола «президиума» выстроилась целая очередь желающих получить автографы, Сергей Иванович явно растрогался.

— Дорогие мои, — делился он потом за ужином, — знали бы вы, как мне вот таких встреч не хватает, как я рад видеть здесь столько молодых прекрасных лиц.

Назавтра мы повезли гостя по памятным местам Полотчины. В деревне Островщина возле старой мельницы, где один из наших «криничан» хотел построить дом, Граховский воскликнул:

— И я, Сергей, построился бы тут рядом с вами. Ловили бы рыбу, писали стихи, гостей принимали бы...

Он вспомнил, как после лагеря в ссылке своими руками возвел обычную крестьянскую хату, в которой поселился с молодой женой.

Лагерные годы напомнили о себе в тот приезд абсолютно неожиданно.

Поутру я встретил Граховского, прогуливающегося возле гостиницы.

— А не зайти ли нам, Наум, чаю попить? — и он показал в сторону пригостиничного буфета. Вход в буфет был с улицы, там кроме чая и бутербродов продавали пиво и кое-что покрепче.

Я не стал отговаривать Сергея Ивановича, видя, что ему интересно побыть среди людей, и мы вошли в зал.

Возле буфетной стойки к нам пристроился довольно-таки подозрительный тип — мелкий человечек с синей татуировкой на пальцах рук, в каком-то задрипанном пальто и с мятой кепкой на голове. Он явно чего-то хотел: то ли толкнуть, то ли ввязаться в разговор...

Вдруг Сергей Иванович повернулся в его сторону и заговорил. Его те слова я не могу повторить. Это была самая настоящая блатная «феня».

Тип в момент скукожился, угодливо захихикал, стал как будто еще мельче.

— Извини, отец. Сразу бы сказал, что в законе! Нужно что, я — мигом...

Граховский еще раз гаркнул на него, и тип мгновенно испарился.

Поймав мой красноречивый взгляд, Сергей Иванович сказал:

— Знаете, кто это был? Фраер мелкий, сывка. С ними иначе нельзя. — И, помолчав, добавил: — Их язык я выучил в лагере. Я же бригадиром у уголовников был, «туфту» им приписывал. «Феня» эта здорово помогла в теплушке, когда с беременной женой на родину из северных краев возвращался. Тогда эшелоны бывшими зэками были переполнены. А когда за «законного» принимали, то и место получше для жены выбивал, и за кипятком было кого послать.

Чувствовалось, что воспоминания в его душе еще живы.

— Кое-кто попрекает меня тем бригадирством. А что лучше было «доходягой» стать и сгнить в том лагере?

Нужно сказать, что судьба еще не раз испытывала на прочность этого человека. И в свободной, казалось бы, спокойной и счастливой жизни. Особенно в последние годы жизни.

Однажды, когда я уже работал в Союзе писателей, Сергей Иванович при встрече попросил:

— Наум, пообещайте, что вы меня похороните и скажете слово на могиле. — И продолжал: — Не надо больше ничего говорить. Пообещайте.

Я обещал.

Вскоре я вернулся на радио. И вот звонит однажды Алесь Письменков:

— Знаешь, только что был у нас Граховский. Узнал, что ты ушел из союза и чуть не расплакался: мол, «кто же меня теперь похоронит...»

Про все это мне пришлось вспомнить на кладбище во время похорон Сергея Ивановича Граховского. И как бы горько ни было на душе, про себя я повторял: «Дорогой Сергей Иванович! Обещание свое я выполнил. Спите спокойно».